
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Р. ВОДАК*

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
В ДЕЙСТВИИ: ПОЛИТИКА БЕЗ ПРИКРАС**

Реф. кн.: Wodak R. The discourse of politics in action: Politics as usual. – Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011. – xvii, 252 p.

Монография посвящена изучению современного европейского политического дискурса как полисемиотического феномена, при формировании которого интегрируются различные культурные сферы: массмедиа, групповая профессиональная среда, мультилингвальные сообщества, системы индивидуальной оценки. В качестве объединяющего кода выступают когнитивные стратегии конструирования политического дискурса и показатели особенностей его нарративной репрезентации; для их выявления автор разрабатывает дискурсивно-исторический подход к исследованию данного типа дискурса. Приводятся документированные тексты публичной и «кулуарной» жизни представителей Европейского

* Рут Водак – заслуженный профессор ун-та Ланкастера (Великобритания), проф. Венского ун-та, спец. в области теории текста, теории дискурса, языковой политики и политической лингвистики. Автор работ: [Wodak, 1996; в соавт.: «Wir sind alle unschuldige Täter!», 1990; Die Sprachen der Vergangenheiten, 1994].

Автор реферата: **Киосе Мария Ивановна**, доктор филологических наук, доцент кафедры лингвистики АНО ВО «Международный институт менеджмента ЛИНК», e-mail: maria_kiose@mail.ru

The author of review: **Kiose Maria**, International Institute of Management LINK (Moscow, Russia), e-mail: maria_kiose@mail.ru

парламента, анализ которых позволяет автору делать выводы о существовании устойчивых «деятельных сообществ» (*communities of practice*) и организованных структур управления политическими знаниями как совокупности моделей и практик.

Работа состоит из введения, шести глав, приложения, включающего оригинальные тексты на немецком языке (переводы которых на английский язык анализируются в монографии) и авторский комментарий, а также списка литературы.

Во введении автор отмечает, что необходимость анализа сфер и средств реализации «эры политики» (р. xiii) связывается с: 1) появлением на современной политической арене новых способов ведения политической борьбы, которые, в частности, стимулируются технологиями и приемами воздействия, используемыми массмедиа; 2) формированием особых «деятельных сообществ», характеризующихся наличием собственной символической, дискурсивной и материальной культуры; 3) наличием закрытых тем и направлений политической деятельности как составляющих сугубо «кулуарной» политики (*backstage politics*); 4) существующим в современном обществе разочарованием политикой, деполитизацией и так называемым «дефицитом демократии» (*democratic deficit*). Формирование Европейского союза как новой политической и экономической формации на мировой арене сопряжено со становлением собственных идеологических, социокультурных, исторических, коммуникативных и иных практик, которые требуют отдельного и детального описания с применением особой исследовательской методологии в силу их полисемиотического характера.

В главе первой «Занятие политикой» рассматриваются основные составляющие деятельности современного политика. Политическая деятельность описывается как особая семиотическая сфера, принадлежность к которой определяется навыками авторепрезентации, особым образом действий и мыслей, соблюдением конвенций групповой и профессиональной культуры. Постулируется возможность дискурсивного анализа данных составляющих с учетом расширения материала анализа: от единичных политических речей до исследования как публичной, так и «кулуарной» дискурсивной деятельности политика, а также использование в качестве объекта анализа текстов нового жанра массмедиа – политического реалити-шоу. Автор полагает, что такой анализ значительно рас-

ширит сложившуюся к настоящему моменту систему знаний в области политического дискурса.

Вслед за П. Бурдьё [Bourdieu, 2005, p. 29–47] автор называет политическую деятельность «борьбой с целью легитимизировать свою точку зрения, т.е. заставить ее доминировать в политическом обществе путем придания ей символической ценности» (p. 2). В этом аспекте автор характеризует политическую деятельность как демонстрирующую: 1) особую форму саморепрезентации, при которой созданный текст ассоциируется публикой и прессой не с его автором, а с тем, кто его произносит¹; 2) центральную роль политической изворотливости (spin) в формулировании своей позиции²; 3) значимость корпоративной политической культуры, которая выражается в стремлении организовать политические партии по подобию корпораций, в результате чего партии имеют собственные логотипы, веб-сайты, программы, индивидуальные блоги.

Комплексный характер политической деятельности требует интеграции прагматических, лингвистических и медийных исследований при разработке содержания политической лингвистики как академической дисциплины. В истории политической лингвистики прослеживаются две основные тенденции: «...к описанию политической деятельности как борьбы за власть, объединяющей тех, кто эту власть имеет, и тех, кто ей сопротивляется; к представлению ее как сотрудничества или компендиума социальных практик и институтов» [Chilton, 2004, p. 3].

Среди основных представителей, развивающих первую из обозначенных тенденций, Р. Водак называет Н. Макиавелли, М. Фуко, А. Грамши, Дж. Оруэлла, в то время как второй подход восходит к учению Аристотеля. Необходимость критического анализа текстов политической пропаганды периодов Второй мировой войны и холодной войны стимулировала переход новой дисциплины на более высокий уровень теоретического обобщения вплоть до определения собственной методологии и отграничения дисциплины от смежных наук.

¹ В качестве примера рассматривается речь М. Лютера «I have a dream» от 28.08.1963.

² В качестве примера автор обращается к политической риторике А. Кэмпбэла, пресс-секретаря Т. Блэра.

Возникновение термина «политическая лингвистика» автор прослеживает в работах А. Буркхарта. Так, в качестве методологии для реализации идеологической реконструкции им предлагается анализ «всех типов общественных, институциональных, частных бесед на политические темы; всех типов текстов, относящихся к сфере политики; всех лексико-стилистических особенностей, характеризующих политические контексты» [Burkhardt, 1996, p. 78]. Непосредственными объектами анализа становятся техники лексической семантизации (анализ маркированных единиц и оценочных слов, эвфемизмов, идеологической полисемии); особенности синтаксической семантики (анализ синтаксических тропов, текстовых стратегий); прагматические техники (анализ форм адресации, речевых актов, аллюзий, пресуппозиций, диалоговых режимов, техник аргументации, политической риторики, цитации, жанровых и интертекстуальных особенностей); средства иных семиотических систем (иконы, символы и сами методики семиотического анализа) (p. 7).

Р. Водак исходит из разграничения четырех составляющих политической деятельности: 1) профессионализма (*performance of professionals*); 2) моделей и ценностей профессионального общения (*habitus*); 3) принадлежности к «профессиональному или деятельному сообществу» с его практиками (*communities of practice*); 4) моделей дискурсивного конструирования профессиональной идентичности (*discursive construction of professional identities*) (p. 7). В работе приведен подробный анализ данных терминов. Так, профессионализм применительно к профессии политика вслед за Э. Гоффманом понимается как демонстрация веры, предполагающая определенные внешние проявления, убедительное представление своей политической позиции и создание ореола таинственности для поддержания интереса аудитории. Профессионализм подразумевает умение организовывать как публичную, так и «кулуарную» активность (*frontstage* и *backstage*), т.е. саморепрезентацию с участием аудитории, где на первый план выходят сценические умения (мимика, соблюдение дресс-кода, умение пользоваться микрофоном, вести себя на подиуме, пользоваться записями), и самоорганизацию в качестве участника некоторой команды или профессионального сообщества, не предполагающую участия аудитории.

Модели и ценности профессионального общения вслед за П. Бурдые, М. Маусом, Н. Элиасом автор представляет как конвен-

циональные образцы, проявляющиеся в коммуникативном поведении политика и подразумевающие наличие устойчивых навыков межличностного взаимодействия, владение стилями общения, сформировавшиеся вкусы и предпочтения, умение осуществлять и демонстрировать познавательную активность. Овладение такими конвенциональными образцами позволяет осознать свое место в социальной структуре, которое характеризуется устойчивым, предсказуемым поведением, наличием определенного образа мыслей и действий и матричной организацией разрешающих и сдерживающих факторов, управляющих подсознательными познавательными процессами.

Профессиональное сообщество устанавливает баланс между жесткими моделями профессиональной коммуникации и индивидуального предпочтения. В идеях М. Фуко, П. Рикера и др. определены возможности совмещения конвенционального и индивидуального, для того чтобы в условиях рутинности каждодневной организации и самоорганизации достичь уровня профессионального мастерства.

Профессиональная идентичность предполагает одновременное осознание своей абсолютной принадлежности к некоторой группе или сообществу и в то же время – своей исключительности. Р. Водак придерживается убеждения о возможности совмещения этих двух крайностей в случае представления идентичности не как статичного состояния, а как динамического процесса, включающего условия существования и трансформации личности.

Автор отмечает, что перечисленные составляющие получили определенное освещение применительно к изучению публичной деятельности политиков, но внимание к «закулисным» или «кулуарным» аспектам их активности является совершенно новым направлением исследования, которое способно обнаружить неожиданные компоненты институциональной принадлежности политиков, в том числе когнитивные модели ориентирования в политическом мире предсказуемого хаоса, модели управления знаниями, стратегические модели управления политическими играми, модели завоевания политической арены. Эти модели и могут стать тем интерсемиотическим кодом, который позволит интегрировать различные сферы проявления политической активности.

Для решения поставленной исследовательской задачи Р. Водак разрабатывает метод дискурсивно-исторического анализа (Dis-

course-Historical Approach, ДНА), который призван «обнаружить внутреннюю логику любой организации, которая постоянно находится в действии, управляясь рутинными моделями и ритуалами» (р. 16). Данный метод объединяет положения четырех теоретических подходов: этнометодологического анализа, конверсационного анализа, социологического анализа и критического дискурса-анализа, притом что последний подход является собственно лингвистической базой исследования и позволяет проследить на материале анализа конкретного языкового материала, как индивидуальные социальные модели встраиваются в общественные практики с учетом сопоставления целей, символов, дискурсивных стратегий. Важной составляющей такого комбинированного исследования становится рассмотрение взаимодействия между политическим и медийным дискурсом, ввиду того что медийные практики становятся частью политической пропаганды и политического влияния. В качестве доказательств такого влияния Рут Водак приводит обязательное освещение кризисных политических ситуаций средствами массмедиа; обыгрывание политических событий в массмедиа; проникновение известных личностей из области массмедиа в мир политики; попытки массмедиа сконструировать собственную идеальную политическую картину.

Объектами анализа становятся публичные и «кулуарные» дискурсивные практики; индивидуальные и коллективные выступления политиков; инсценированные массмедиа политические сюжеты.

В качестве основной гипотезы приводится следующая: «...занятие политикой построено на обширном культурном контексте, определяемом национальными традициями и политическими системами, моделями и ценностями национального и профессионального общения» (р. 26). Развивая идеи Р. Барта о мифах как средствах конструирования вторичной семиотической реальности для создания мистифицированных противоречий и идеологий, автор утверждает, что репрезентация политических событий в массмедиа выполняет важную функцию конструирования и активизации мифов о том, как происходит «занятие политикой».

В главе второй «(Ир)рациональность политики» излагаются методологические основы разрабатываемого дискурсивно-исторического подхода к анализу политического дискурса. Особое внимание уделяется интегративному представлению лингвистических, социокультурных, сугубо политических, идеологических факторов

при описании нового явления в политике, которое автор называет «политический промоушен» (р. 30). Его суть состоит в продвижении не только общих (глобальных, национальных) политических идей и политических убеждений, но в большей степени корпоративной и индивидуальной политической культуры.

В качестве примера «политического промоушена» приводится фрагмент речи экс-президента Еврокомиссии Р. Проди, который демонстрирует проявление стратегий, типичных для рекламного дискурса: «Если мы приступим к совместным решительным действиям, мы сможем создать новую Европу, которую ждут наши соотечественники и которую мы оставим своим потомкам. Справедливую, гуманную, всеобъединяющую Европу. Прекрасную, энергичную, предприимчивую Европу. Европу для каждого. Давайте трудиться вместе, чтобы это десятилетие стало эпохой выдающихся достижений. Десятилетие, которое войдет в историю как эпоха Европы» (р. 29)¹. «Рекламный характер» высказывания проявляется в использовании большого количества глаголов действия и стилистических приемов (эллипсиса и параллелизмов), характерных для перформативных текстов, в конструировании вообразяемых миров (Европа настоящего и будущего), применении риторической стратегии «общего желания» (*shared volition*) (р. 30).

Автор полагает, что для комплексного анализа подобных проявлений необходимо интегрировать различные семиотические проявления политической нарратологии. В исследованиях Л. Шулиараки, Н. Фэркло, Г. Вайса, Р. Водак [Chouliaraki, Fairclough, 1999; Weiss, Wodak, 2003] называются следующие черты разрабатываемого полисемиотического подхода: интер- и трансдисциплинарность, интердискурсивность, действенность, характерные для холистических исследований. Р. Водак рассматривает три кластера знаний, представляющих интерес для анализа применительно к изучаемой проблеме: социальные проблемы, лингвистическая теория и релевантность; критика, идеология и власть; история, политология и социология.

¹ Точная цитата: «If we act boldly and decisively together, we can shape the new Europe our citizens want and that we owe to our future generations. A just, human, inclusive Europe. An exciting, energetic, enterprising Europe. Everyone's Europe. Let us work together to make this decade a decade of outstanding achievement and success. A decade history will remember as the decade of Europe» (р. 29).

Первый кластер организован вокруг понятия релевантности в ее трех формах¹: 1) тематической (thematic relevance); 2) интерпретационной (interpretational relevance); 3) мотивационной (motivational relevance). Под тематической релевантностью вслед за А. Шутцем понимается такая формулировка проблемы, при которой сама проблема демонстрируется на фоне уже известных, не вызывающих сомнения фактов, тем самым поднимаемые темы оказываются в фокусе повышенного внимания. Интерпретационная релевантность подразумевает определение круга знаний, необходимых для понимания данной проблемы. От того, какие знания будут задействованы, зависят выбранные методы исследования проблемы. На этом этапе принимаются решения о тех исследовательских методах и методиках, которые будут применены при решении проблемы, а также о выборе материала для исследования, который позволит интерпретировать затронутые темы. Мотивационная релевантность сопряжена с установлением условий, при которых проблему можно считать решенной, что напрямую связано с определением глубины проблемы. Если материал исследования позволяет достаточно полно интерпретировать различные аспекты проблемы и решение представляется обоснованным, исследователю можно остановиться и «объявить знания, не входящие в круг тем рассматриваемой проблемы, нерелевантными» (р. 33). Разграничение перечисленных форм релевантности автор считает важным условием успешного критического дискурса-анализа.

Второй кластер знаний задействуется при обнаружении противоречий и парадоксов, при интерпретации дискурсивных событий, при моделировании перспективы дальнейшей политической коммуникации. Автор отмечает, что «сам язык не обладает силой и властью, сильным он становится за счет того, что используется людьми, обладающими властью» (р. 35), это объясняет возможность разграничения модусов проявления власти, оперирующих особыми лингвистическими кодами, правилами интеракции, правилами принятия решений и обмена репликами. Для каждого из трех типов законной власти (избранной; харизматической; наследственной, по М. Веберу) будет существовать свой набор модусов ее проявления. Третий кластер организует интегрированные знания в трех направлениях: темы, дискурсивные стратегии и лин-

¹ Здесь автор ссылается на: [Schutz, 1991].

гвистические средства реализации на четырех уровнях контекста (интердискурсивном, экстралингвистическом, структурном, институциональном).

Приведенная процедура анализа позволяет описать влияние и трансформацию дискурсов, жанров, текстов в различных социальных и политических контекстах и сферах (например, в сферах законодательства, организации внутрипартийной деятельности и внешних отношений, осуществления политического администрирования и контроля за исполнительной властью) с использованием множественных дискурсивных стратегий (например, номинативной, предикативной, стратегий аргументации, перспективизации, фрейминга, интенсификации). Сами модели знаний объединяют событийные модели, контекстуальные модели и модели предшествующего опыта, реализующие три кластера знаний.

В главе третьей «Политика Европейской арены: как конструируется европейская идентичность» разработанный автором дискурсивно-исторический метод применяется для исследования особенностей политического дискурса сотрудников Европейского парламента. Цель дискурсивного исследования состоит в выявлении тех характерологических черт, которые делают возможной интеграцию индивидуальных, общественных и коллективных интересов в реализации общеполитической деятельности в условиях Европейского союза.

Автор отмечает, что повышенное внимание к «европейской идентичности» в аспекте «чем является Европейский союз и чем он не является» (р. 58) обусловлено сложностью и запутанностью национальных интересов, политических идеологий, культурных различий, а также существованием мультилингвальной ситуации, что констатируется в работах М. Абеле, Б. Лафан, Г. Вайса, самой Р. Водак¹. Идея о «европейской идентичности» отражает необходимость создания общества с едиными понятиями о ценностях в Европе. В качестве ключевых событий, повлиявших на становление данной идеи, автор называет: 1) речь У. Черчилля от 19 декабря 1946 г. в Университете Цюриха, в которой при обращении к европейской аудитории выражен призыв к созданию нового европейского общества, способного противодействовать ужасам войн и вооруженных конфликтов на своей территории; 2) подписание

¹ Анализируются работы: [Abélè, 1992; Laffan, 2004; Weiss, Wodak, 2000].

декларации Шумана от 9 мая 1950 г.¹, в которой получили закрепление ценности мира и солидарности; 3) подписание Парижского договора 1951 г.², провозгласившего идею создания единого экономического сообщества на территории Европы в целях объединения людей, разделенных страхом перед кровавыми военными конфликтами.

В современной Европе дебаты между приверженцами национальных идей (федералистами) и теми, кто поддерживает транснациональные ценности (конфедералистами), звучат весьма остро. При этом Р. Водак отмечает, что многочисленные интервью с делегатами Европейской конвенции 2002–2003 гг. показывают, что «национальные перспективы ценятся выше, чем транснациональные интересы» (р. 62–63), а в основе этого сложного клубка интересов и ценностей находятся внутренние конфликты и экономические проблемы. В качестве примера автор приводит исследование Р. Скалли [Scully, 2005], которое показало, что, несмотря на то что британские члены Европарламента традиционно ассоциируют себя с идеями и ценностями данной европейской организации, большинство в первую очередь связывает себя со своими «деятельными сообществами»; как результат, преобладают национальные, региональные и локальные интересы и ценности. Все делегаты на первых порах стремились сформировать единую общенациональную идентичность, но со временем их решениями вновь начинали руководить именно национальные интересы. Этот процесс хорошо демонстрируется используемыми в их речах метафорами: метафорами контейнера для самой Европы (например, *the heart of Europe*, *the melting pot*, *the housing estate*, *the fortress*, *patchwork family*), военными и спортивными метафорами для процесса евроинтеграции (*political fight*, *political struggle*, *global players*), в меньшей степени организационными, техническими и экономическими метафорами (*threshold*, *benchmarks*)³.

¹ Автор имеет в виду предложение министра иностранных дел Франции Робера Шумана объединить металлургическую, железорудную и угледобывающую промышленность Франции и Западной Германии, известное в России как «План Шумана». – *Прим. авт. реф.*

² Речь идет о Парижском договоре от 18 апреля 1951 г., который создал Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), впоследствии ставшее частью Европейского союза. – *Прим. авт. реф.*

³ Автор ссылается, прежде всего, на работу: [Busch, Krzyżanowski, 2007].

Р. Водак отмечает, что первые семиотические исследования записей работы Европарламента появились около четверти века назад, и уже тогда в некоторых из них отмечался необычный характер данной организации (отличающий ее от других политических организаций Европы). Так, в документальном фильме о Европейском парламенте, снятом французским антропологом М. Абеле, при репрезентации членов Европарламента с помощью визуальных средств обыгрывается когнитивная метафора СВОЕ (иные известные организации, парламенты европейских стран) – ЧУЖОЕ (Европарламент), источниками чего послужили следующие «лейтмотивы»: огромное здание с бесконечными коридорами, бесчисленное количество постоянно работающих копировальных машин, кипы бумаг, мобильность участников. Сама организация при этом называется «экзотическим племенем» (*la tribu exotique*) (р. 73). М. Абеле пишет, что «Европарламент создан по модели других западных ассамблей, но существенно от них отличается. <...> Депутаты находятся в постоянном процессе создания Европы, но они не Европа. Их деятельность определяется границами своих государств»¹. Такое восприятие Европарламента может быть вызвано внутренними противоречиями в организации, возникающими как результат сложной системы ценностей и интересов, которые необходимо сочетать политикам для формирования собственных идентичностей. Р. Водак высказывает мнение, что «разграничение индивидуальных, общественных и коллективных идентичностей (которое целесообразно проводить в рамках социолингвистического анализа) в данном случае сводится к противопоставлению тех качеств, которыми люди обладают, и тех, которые они должны демонстрировать, будучи частью некоторого общества» (с. 77). При этом пересекаются три системы ценностей: индивидуальные ценности, ценности «деятельностных сообществ» и профессиональные ценности. Результатом такого пересечения могут оказаться противоречия, связанные с лояльностью или приверженностью некоторому политическому курсу, а также с идеологической принадлежностью². Данные противоречия возможно выявить и описать путем оп-

¹ Точная цитата: «Le Parlement européen a été créé sur le modèle des autres assemblées occidentales; mais il s'en distingue sur un point essentiel. <...> Les députés font l'Europe dans un processus de création continue en tant que les législateurs; mais ils ne sont pas l'Europe. Leur légitimité s'ancre dans les limites nationales» [Abélès, 1992, p. 184].

² Данные аспекты автор раскрывает с опорой на: [Billig, 1991].

ределения исполняемых политиками ролей в обществе (вслед за Э. Гоффманом, П. Браун и С. Левинсоном автор для наименования общественных ролей использует термин *footing*) и способов их нарративной репрезентации (вслед за Д. Шиффрин и Э. Ошс в данном значении используется термин *narrative*).

Предварительное изучение таких ролей и способов их нарративной репрезентации, проведенное автором методом контент-анализа на материале 28 интервью, взятых у 14 членов Европарламента, показало, что: 1) основными сферами их нарративной репрезентации являются безработица, организация работы Европейского союза, каждодневная рутина, создание и поддержание персонального образа; 2) возможность интеграции разных ролей обусловлена наличием хотя и различных, но потенциально поддающихся объединению культурных ценностей, образов мысли и способов решения проблем, направлений политики будущего, моделей конструирования мирного общества и т.д. (в речах используются выражения *I feel both European and French* или *I'm a Swede, but I am a European*); 3) нарративная репрезентация разных ролей происходит путем использования разных топосов¹ (*topoi*), дискурсивных стратегий и совершения ошибок, которые могут быть обнаружены и систематизированы; 4) метафоризация является одним из важнейших показателей нарративной репрезентации роли; среди них активны метафора «пчелиного улья», метафора «пути» и метафора «вызова» (*bee-hive, path* или *open-ended path, challenge metaphors*).

В главе четвертой «Один день из жизни члена Европарламента» в соответствии с разработанным методом дискурсивно-исторического анализа изучается указанная роль в ее нарративных репрезентациях. Оценке подвергаются: 1) нарративно-дискурсивные показатели роли: пресуппозиции, инсинуации, имплицатуры, средства интертекстуальности; 2) дискурсивные стратегии (например, стратегии положительной репрезентации своего и негативной репрезентации чужого); 3) стили и жанры общения, включая возможности их смещения; 4) особенности языка профессионального общения; 5) использования тропов и риторических средств; 6) особенности обмена репликами в диалогическом и полилогическом общении: вмешательство в разговор, комментарии. Анализу подвергаются

¹ Подробнее о категории топоса см. статью О.В. Захаровой в наст. изд. — Прим. ред.

следующие этапы дня депутата: утренняя планерка при участии секретаря, встречи с членами комитета, иные встречи и совещания (в том числе встречи за ланчем), вечерняя лекция. Автор приводит полные записи диалогов и полилогов, которые имели место в течение одного дня с участием одного члена Европарламента (запись осуществлялась с согласия участников эксперимента). Отмечаются следующие нарративно-дискурсивные показатели: эллиптичность высказываний в диалоге и полилоге, демонстрация знакомства с огромным количеством документов (как со стороны члена Европарламента, так и со стороны его секретаря), высокий темп смены тем, большое количество самих рабочих тем. В ходе исследования выявляются множественные особенности нарративной репрезентации роли члена Европарламента, среди которых называются: 1) референциальная стратегия метонимического наименования членов Европарламента по их национальностям, а не по фамилиям, политическим партиям или должностям (например, *The Swedes already have a different opinion* или *The Netherlands is more at the core*) (p. 136); 2) стратегия *деполитизации* (depolitization) (p. 153), которая выражается в привлечении средств массмедиа для освещения политических событий не только публичной, но и «кулуарной» жизни политиков; 3) стратегия *беллетризации* (fictionalization) (p. 156) политической деятельности средствами массмедиа и, как ее результат, появление политических реали-шоу, предоставляющих «эксклюзивный доступ» (там же) к «кулуарным» сценам.

Глава пятая «Жизнь политика на телевизионном экране: правда или вымысел?» посвящена выявлению особенностей реализации отмеченной выше взаимной зависимости массмедиа и политики, при которой политики обращаются к массмедиа за помощью в достижении популярности, а успех массмедиа определяется репрезентативностью информации, которую они получают от политиков. По мнению автора, «политические реали-шоу или мыльные оперы усиливают тенденцию к деполитизации, так как изображаемый в них мир представляется зрителю вымышленным, нереальным, упрощенным и утопическим» (p. 160). Массмедиа навязывают зрителю (американские) модели и стереотипы того, какая должна быть политика и что должны и не должны делать политики.

Анализ осуществляется на материале двух сериалов: американского сериала «The West Wing» и его немецкого двойника «Im Kanzleramt» («В ведомстве канцлера»), которые демонстрируют

«кулуарную» жизнь политиков. В качестве рабочей гипотезы выдвигается следующая: «конструируемые миры являются фиктивными, вымышленными, создавая и поддерживая существование мифов в области мировой и европейской политики» (р. 160).

Изучение нарративных репрезентаций в сериалах выявило существование следующих нарративных тем (narratemes)¹, которые составляют содержание отдельных эпизодов: герою необходимо скрыть некоторую информацию, герой представляет свою страну, герой демонстрирует свои способности, слушатели признают талант героя,. Эпизоды представляют некоторые ситуации, связанные с реальными политическими событиями в мире, построены в виде последовательности ситуаций: обсуждение предстоящей речи, подготовка к речи, подготовка цитат для демонстрации знаний и осведомленности в вопросе. Но, как отмечает Р. Водак, при этом отсутствуют те дискурсивно-нарративные показатели, которые характерны для настоящей жизни политика такого уровня: эллиптичность, огромное количество тем и т.д. (см. выше). Делается вывод о том, что такие сериалы – комбинация упрощенных сюжетов, где герои борются с негодьями и в конце концов побеждают. В результате у зрителей формируется неверный образ политика, где его деятельность представляется циклом событий, в которых добро и зло легко различимы, а мудрый правитель всегда принимает правильные решения. Многие эпизоды реалити-шоу призваны усилить или ослабить для зрителей некоторые акценты социально-культурного и политического фона, что искажает реальный ход политической деятельности в плане определения ценностей, оснований для сравнения и сопоставления событий и фактов, силы власти, степени угрозы, хода истории. Автор полагает, что сделанные замечания отвечают общей тенденции работы массмедиа представлять информацию в развлекательном ключе, этот факт отмечают многие исследователи, называя такой жанр массмедиа политикотэйнментом (politicotainment)² или политэйнментом (politainment)³.

¹ Здесь автор апеллирует к нарратологическим идеям В. Проппа и В. Райта – *Прим. авт. рефер.*

² Речь идет о работе: [Riebert, 2007].

³ Данный термин используется в работах: [Holly, 2008; Richardson, 2006].

Автор заключает, что беллетризация политики (fictionalization of politics) направлена на поддержание уверенности в том, что мир легко управляется с помощью верных и однозначных действий политиков и дипломатов, что является мифом, который создается когнитивными и эмоциональными схемами киноиндустрии жанра в духе американских вестернов. Конструируемый миф предопределяет общественное ожидание и восприятие политиков и их деятельности.

В главе шестой «Порядок или хаос: вымысел или реальность? Применение знаний по управлению властью в политике» Р. Водак приходит к заключению о том, что для конструируемого цельного образа политика не только должны быть приняты во внимание рассмотренные в главе первой нарративно-дискурсивные характеристики политика, но также в качестве обязательного компонента должна быть изучена его массмедийная репрезентация в новостях, развлекательных передачах, реалити-шоу. Мифы, созданные массмедиа о политике, в сочетании с усиливающимися в обществе страхами и нестабильностью, способствуют повышению уровня ожиданий от действий политиков. В качестве вывода приводится следующий: «неудовлетворенность ходом политических событий заставляет зрителей обращаться к области фикции», – туда, где все проблемы решаются, где все просто и однозначно. В то же время фиктивный мир только усиливает неудовлетворенность, так как по уровню и сложности рассматриваемых проблем он не может (и не призван) соперничать с миром реальным (р. 206).

Р. Водак отмечает, что такие мифы может выявить только интерсемиотический подход, являющийся одновременно холистическим (предполагающим анализ различных сфер, в которых проявляется репрезентация политического дискурса) и эвристическим (не ограничивающимся жесткими моделями при выборе стратегий и средств репрезентации). Главными «ресурсами» при распознавании мифов становятся различные виды знания, которые демонстрируются в дискурсивных практиках реальной публичной и «кулуарной» жизни политика, а также его нарративной истории, вымышленной средствами массмедиа.

Список литературы

- Abèlè M.* La vie quotidienne au Parlement Européen. – Paris: Hachette, 1992. – 443 p.
- Billig M.* Ideologies and opinions. – L.: Sage, 1991. – 224 p.
- Bourdieu P.* The political field, the social science field, and the journalistic field // *Bourdieu and the journalistic field* / R. Benson, E. Neveu (eds). – Cambridge: Polity press, 2005. – P. 29–47.
- Burkhardt A.* Politilinguistik: Versuch einer Ortsbestimmung // *Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation* / J. Klein, H. Diekmannshenke (eds). – Berlin: Mouton de Gruyter, 1996. – P. 75–100.
- Busch B., Krzyżanowski M.* Outside / inside the EU: Enlargement, migration policies and security issues // *Europe's borders and geopolitics: expansion, exclusion and integration in the European Union* / J. Anderson, W. Armstrong (eds). – L.: Routledge, 2007. – P. 107–124.
- Chilton P.* Analysing political discourse: Theory and practice. – L.: Routledge, 2004. – 240 p.
- Chouliaraki L., Fairclough N.* Discourse in late modernity: Rethinking critical discourse analysis. – Edinburgh: Edinburgh univ. press, 1999. – 176 p.
- Holly W.* Tabloidization of political communication in the public sphere // *Communication in the public sphere: Handbook of applied linguistics* / Eds. R. Wodak, V. Koller. – Berlin: De Gruyter, 2008. – Vol. 4. – P. 317–342.
- Laffan B.* The European Union and its institutions as «identity builders» // *Translational identities* / R.K. Hermann, T. Risse, M.B. Brewer (eds). – Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2004. – P. 75–96.
- Richardson K.* The dark arts of good people: How popular culture negotiates «Spin» in NBC's *The West wing* // *Journal of sociolinguistics*. – Oxford, 2006. – Vol. 10. – P. 52–69.
- Riegert K.* Politicainment: Television's take on the real. – Bern: Peter Lang, 2007. – 296 p.
- Schutz A.* On phenomenology and social relations / Revised edition. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1991. – 336 p.
- Scully R.* Becoming Europeans? Attitudes, behaviour, and socialization in the European parliament. – Oxford: Oxford univ. press, 2005. – 184 p.
- Weiss G., Wodak R.* Discussion: The EU Committee regime and the problem of public space. Strategies of depoliticizing unemployment and ideologizing employment policies // *European discourses on (Un)Employment* / P. Muntigl, G. Weiss, R. Wodak (eds). – Amsterdam: Benjamins, 2000. – P. 185–206.
- Weiss G., Wodak R.* Critical discourse analysis: Theory and interdisciplinary. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. – 321 p.
- «Wir sind alle unschuldige Täter!»: Diskurshistorische Studien zum Nachkriegsantisemitismus / R. Wodak, P. Novak, J. Pelikan, H. Gruber, de R. Cillia, R. Mitten – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. – 401 S.
- Die Sprachen der Vergangenheiten: Öffentliches Gedenken in österreichischen und deutschen Medien / R. Wodak, F. Menz, R. Mitten, F. Stern – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994. – 215 s.
- Wodak R.* Disorders of discourse. – L.; N.Y.: Longman, 1996. – 200 p.